

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. КЛАН ЗАР	5
Ранее... ..	7
Принадлежность.....	28
Становление.....	42
Глава первая	51
Глава вторая.....	67
Глава третья.....	76
Глава четвертая.....	97
Глава пятая	117
Глава шестая	128
Глава седьмая	136
 Часть II. ЗА'СКАР	 157
Глава восьмая.....	159
Глава девятая.....	167
Глава десятая.....	176
Глава одиннадцатая.....	188
Глава двенадцатая.....	205
Глава тринадцатая.....	209
Глава четырнадцатая.....	222
Глава пятнадцатая.....	240
Глава шестнадцатая.....	244
Глава семнадцатая.....	258

Глава восемнадцатая	273
Глава девятнадцатая	283
Глава двадцатая	297
Глава двадцать первая	309
Глава двадцать вторая	324
Глава двадцать третья	338
Глава двадцать четвертая	368
Глава двадцать пятая	385
Глава двадцать шестая	399
Глава двадцать седьмая	412
 Часть III. ВРАТА НЕБЕС	 435
Глава двадцать восьмая	437
Глава двадцать девятая	468
Глава тридцатая	475
Глава тридцать первая	490
Глава тридцать вторая	507
Глава тридцать третья	518
Глава тридцать четвертая	538
Глава тридцать пятая	548
Глава тридцать шестая	557
Глава тридцать седьмая	570
Глава тридцать восьмая	589
Глава тридцать девятая	601
Глава сороковая	624
Эпилог	632
Об авторе	635

Часть I

КЛАН ЗАР

Великий Создатель сотворил нас так. Джинны — существа Незримого мира из огня бездымного, живущие за Завесой и благословенные физической мощью. Люди, Дети Адама, — слепленные из глины и благословенные разумом. Джинны могут видеть нас, но мы не можем видеть их.

Мы — сила, что уравновесит мир. Горе людям, что поддаются соблазну джиннов и занимаются черной магией.

*Устные рассказы
Главной Сказительницы Башах-Хатун
Клан Усур, год пятисотый эры Небесных Птиц*

РАНЕЕ...

Год 495 после Великого Потопа Нуха,
эра Небесных Птиц
Горы Тезми'а, Империя Азадниабд*

Я унаследую божественную силу — так сказала ума. Но ей не нужно было говорить, что моя сила — проклятие. И, как любая из великих легенд, моя история началась с трагедии.

Как позже рассказывал мне дядя по материнской линии, в ночь моего появления на свет ума получила благую весть, как и все матери одаренных детей. Это было незадолго до зимнего солнцестояния в 495 году, когда ей приснился свет, исходящий из моего детского тела и обволакивающий ее прохладным сиянием. Она знала, что Божество показало ей силу, которой мне суждено обладать, — *нур*, холодный Небесный свет, та же способность, что наполняет дух огненной птицы.

* Нух — пророк в мусульманском мире, библейский Ной.
(Здесь и далее — прим. пер.)

Но в ночь, когда я вышла из материнского чрева, наши вожди видели сны о мире, объятom тьмой. О войне и разрушении.

«Она — дурное знамение, — шептались в клане, хотя мой дядя, хан, пресекал эту пустую болтовню. — Ее мать отказалась дать ей имя, а отец, Великий Император, не желает ее признавать. У него столько жен и наследников, что это дитя — лишь одно из многих». Но сердцем ума чувствовала, что божественные дары всегда приходят через небольшие страдания — таков путь Божества. «Мое дитя — не проклятие и не дурное знамение. Ее коснулся свет».

В тот год на весенних пастбищах долины Тезми'а случилась засуха, которая разорила землю и привела к смерти большого количества скота. Другие странные происшествия посеяли страх в клане, привели к более частым набегам, к более частым смертям. Когда ума кормила меня грудью, над юртой кружили птицы, которые после влетали в палатки из войлока, портили сушеное мясо и молоко яков, выводили из себя наших охотничьих птиц.

— Девчонка проклята, — заявляли члены нашего клана.

— Она — просто девочка. А мы — богобоязненные люди, — возражал мой дядя. — Лишь наши собственные грехи привели нас к неудачам.

— Но птицы, — настаивали соплеменники, — они окружают ребенка. Она ненормальная! — Это была правда, ведь куда бы меня ни несли, всюду следовал звук бьющихся крыльев и птичьих трели, доносящиеся с веток деревьев.

Крепче прижав меня к себе, заговорила самая любимая жена хана — Башах-Хатун. Никто не осмеливался спорить с ней.

— Хватит, суеверные вы глупцы. Она — благословение и привлекла множество птиц, на которых можно охотиться. Она необычная, но необычным детям достаются самые лучшие дарования. И все же я чувствую ваш страх. Главные

Сказители читают сердца соплеменников, ибо в них скрыта история наших бед. И, как ваша Главная Сказительница, я сделаю эту девочку своей преемницей — Божество мне свидетель. Она будет нести с собой истории о наших великих радостях и поражениях до конца своих дней.

Эта суровая, хоть и молодая женщина никогда не нарушала своих клятв. И, будто в насмешку, ее клятва стала моим проклятием.

Лучшие пастбища для зимовки находились к югу от горного озера. В тот год клан хана поставил юрты и пригнал тысячи голов яков, диких лошадей и овец к подножию суровых, увенчанных снежными вершинами гор, где в долинах раскинулись широкие луга и из холодной земли росла тонкая трава. От озера по каменистым пастбищам Тезми'а тянулись ледяные ручьи.

Это был мой седьмой Праздник Потопа, день памяти о моменте, когда Нух сошел с ковчега после Великого Потопа. В то утро дети соревновались в том, чья драгоценная охотничья птица принесет лучшую добычу. Вскоре вмешалась любимая жена хана и увела детей через пастбища в сторону густого леса, туда, где заканчивались ряды установленных шатров.

Несколько воинов клана, что сопровождали через горы караван с товарами и скот для императорских купцов, сидели, прислонившись к стволам деревьев, и смазывали воском составные луки. Другие пили абрикосовый чай, чтобы прогнать холод и сырость. Они кивнули, приветствуя нас. С ними сидел хан, а возле него — моя ума, его сестра. Увидев нас, ума нахмурилась и подошла ближе.

— О Башах, какая безумная идея пришла тебе в голову на этот раз?

Башах-Хатун промолчала и слегка улыбнулась. Ума положила руку мне на спину, глядя на путающих хищных птиц у меня на плече. Она предостерегла нас:

— Не углубляйтесь на юг по горной дороге. Там ходят отряды враждебных кланов, которые похищают детей, по добных ей.

И все равно Башах-Хатун продолжила путь вглубь долины, мимо возвышающихся камней и групп растущих вязов, по траве высотой с человека, где паслись дикие ослы. В такие места редко заходили люди, ведь там все еще правили джинны. Ветер играл с прядями волос на головах детей. Скрытые под лесной землей корни иссохших деревьев выглядывали наружу, а летающие с жужжанием спрайты — озорные маленькие прислужники давно покинувших эти земли фейри — раскидывали семена, опыляя цветы. Обманчиво сонный день для подстерегающего впереди насилия. В этом месте все еще действовали старые законы, а созданная Божеством граница между мирами джинов и людей стиралась.

Полная решимости, я шла рядом с Башах, борясь с желанием схватиться за подол ее платья из кожи яка, чтобы она не подумала, что я трусиха. Даже охотничьи канюки*, сидевшие у меня на плечах, наклонили головы от любопытства.

Башах присела на корточки и провела бледной рукой по земле. Ее темные волосы трепетали на ветру. Так же, как у меня, они были заплетены в дюжину тонких кос, украшенных серебряными бусинками и ястребиными перьями. Единственное отличие было в том, что ее голову обвивала полоска из кожи верблюда с синим деревянным украшением, которое указывало на ее положение жены хана.

— Сегодня мы займемся новым видом охоты, — объявила Башах. — Будем охотиться с помощью сказаний.

Дети начали перешептываться, но она ничего не пояснила, лишь взяла меня за руку, сказав:

* Канюки — хищные птицы.

— Приготовься, моя преемница, — и продолжила свой путь среди елей.

Когда мы остановились и пришло время разбиться на пары для охоты, мой молочный брат Хадж отказался вставать со мной. Ему было десять лет, всего на три года больше, чем мне, но этой разницы в возрасте хватило, чтобы в нем зародилась самоуверенность. Он пожаловался Башах:

— Моя ума говорит, что я должен держаться от нее подальше, чтобы она не прокляла мою птицу! Я охочусь с пятнистым ястребом, а она — с двумя черными канюками. Они мелкие и бесполезные, прямо как она. Из-за всех птиц, которые следуют за ней, она распугает всю добычу.

— Может, я и единственный ребенок Айсенор, но я не бесполезная, — пробормотала я, пытаясь заставить губы не дрожать.

Хадж слегка надул свои круглые щеки и прищурил горящие темные глаза, прежде чем дернуть меня за руку.

— Что ты сказала?

Из-за его резких слов остальные члены клана посмотрели на меня с любопытством. Их родители тоже предупреждали насчет странной девочки, которая привлекает загадочных ворон и визжащих ястребов.

Я выдержала взгляд Хаджа. Башах говорила, что, раз по мнению остальных в клане само мое существование проклято, я смогу что-либо доказать лишь действиями.

— Хватит, Хадж, — осадила его Башах. Он в бешенстве убежал прочь.

Я сжалась, прячась за расшитыми мехом юбками Башах, но она больше не была моей соплеменницей. Теперь в ее глазах отражались древние обычаи целых эпох. Она была Главной Сказительницей клана. Вытащив меня у себя из-под ног, она погрозила мне тонким пальцем.

— Ты, моя юная ученица! Вспомни мои наставления.

— Н-но они ненавидят меня, Башах-Хатун.

Она склонилась так, чтобы быть со мной одного роста.

— Сказительница говорит правду на протяжении всего хода истории. Люди могут любить тебя за это, а могут проклинать. Это тяжелая задача, и не все смогут с ней справиться. Твоя ума должна была стать следующей сказительницей, но отказалась от этой роли и передала это право мне. Глупая женщина эта Айсенор. Но *ты* не провалишь моего поручения.

Это был первый раз, когда мне что-то доверили. Чувство было восхитительное, и я с воодушевлением закивала.

Дети направились в лес, чтобы начать охотиться. Я и Хадж подготовили луки и стрелы, чтобы использовать их лишь в том случае, если наши ястребы не смогут поймать добычу.

Мы крались по тропе, слыша, как в листве кричит кабарга. На первой прогалине легкий ветерок обдувал каменистый пейзаж. Деревья поглощали лучи солнца. Юные канюки тревожно свернулись на моих плечах, цепляясь за мех платья. Их лапы были перевязаны тонким шнурком. Хадж усмехнулся, разглядывая птиц. Он был искусен в их привязывании. Ему не были нужны шнурки, чтобы удерживать ястреба.

Хадж обвязал приманку пеньковой веревкой и, помолвившись, принялся вращать ею отработанными движениями, пока его ястреб летал туда и обратно, взмахивая мощными крыльями.

Хадж не позволил мне выпустить канюков. Его ястреб поймал жирного шалфейного тетерева и перепелов. Я села, оперевшись спиной о дерево, и поглаживала длинные шеи своих птиц. В конце концов я услышала, что голоса других детей становятся громче.

— Старший брат, ты слышишь эти крики? — спросила я.

— Чьи крики? — обернулся Хадж. Ястреб вернулся на его плечо, в когтях не было добычи. Дрожа, птица спрятала клюв в его воротник.

— Что-то не так, старший брат. — Я посмотрела в сторону леса.

— Конечно, ты испугалась... — бросил он, нахмурившись.

Земля вздрогнула, оборвав его слова. Голоса других детей превратились в пронзительные вопли. Хадж попятился так быстро, что его нога зацепилась за один из торчащих корней.

— Брат! — Я вцепилась в его руку, подхватывая его, когда он чуть было не повалился рядом со мной. Мое сердце бешено колотилось, и я провела ладонью по луку и стреле, прикрепленным к моей кожаной жилетке. — Нужно уходить.

Он кивнул.

— Твоя ума говорила, что не нужно идти на юг этой дорогой.

Мы пошли обратно к пастбищам тем же путем. Сначала мы услышали шум. Я увидела других детей, что толкались, выбираясь из чащи, и показывали на что-то позади.

Хадж помахал своей старшей сестре Хава. Она покраснела и тяжело дышала, будто бежала бегом через всю долину.

— Там чудовище, брат! Нужно бежать!

— Бежать? Куда это вы собрались? Мой урок еще не окончен. — Будто из ниоткуда на поляну вышла Башах-Хатун, ее плащ развевался позади. — Не убегайте, юные трусы.

— Б-башах-Хатун, там чудовище из ваших сказок, — настаивала Хава.

— Какое?

Хава побледнела.

— Огромный буйвол с темно-синим мехом и с огромным рогом размером с маленькое деревце. Острым, как клинок хана! А его глаза... — Она умолкла и продолжила, вздрогнув: — Его красные глаза похожи на адское пламя.

— Каркаданн. Это редкая удача, — задумчиво проговорила Башах. — Огромное рогатое чудовище из племени джиннов, обитающее в далеких местах. Ну и что с того?

Дети нервно захихикали. *Каркаданн* — это слово звучало отовсюду.

— Оно нас сожрет, — настаивала Хава.

— Не бойся, дитя. У меня есть юная преемница, которая пойдет охотиться на него. Охотиться с помощью сказаний.

И вдруг ко мне пришло понимание. Я осознала так же ясно, как понимала, когда ждать восхода и заката солнца: она хотела, чтобы я победила древнее чудовище. Детей клана она привела как приманку.

Башах поймала мой взгляд, и уголки ее губ изогнулись в улыбке.

Рев прогремел в воздухе, и ручные птицы на наших плечах закричали и закаркали, будто предвещая беду. Да же спрайты ярким роем пролетели мимо.

— *Бегите!* — услышала я крик их высоких голосов.

Я бросилась прочь, когда размытая тень накрыла сосны, круша деревья, как дети ломают глиняных кукол.

— Смотрите внимательно, юные соплеменники, — провозгласила Башах, с силой схватив меня за запястье. Эта решительная женщина поступала, как ей вздумается. — Сегодня обучение этой *проклятой* девочки послужит клану. Своими словами она заколдует чудовище, а потом поразит его единственным ударом.

Все мое существо содрогнулось.

— Я не могу, — призналась я.

Ветер ударил нас в спины, но Главная Сказительница стойко выдержала его напор. Она достала из закрепленной на поясе из овечьей кожи тканевой сумки щепотку черного порошка и две маски. Башах подвела мои веки черной сурьмой и закрыла мое лицо деревянной ритуальной маской, украшенной журавлиными перьями, на которой была вырезана злобная волчья морда.

Башах улыбнулась.

— Ты должна, моя преемница. Сегодня мы используем то, чему ты научилась, и вместе победим чудовище с помощью сказания. Подними подбородок. Руки пусть будут длинными и сильными. *Стань* словами. Поверь мне, существа из народа джиннов бессильны перед сладкими речами.

Птицы прижались к моим плечам. Я погладила их по клювам.

— Спокойно, — выдавила я.

В этот момент каркаданн ворвался на поляну, круша опущенные ветви вязов. Его мускулистое тело было покрыто густым синим мехом. Чудовище описало большой круг, легко пронзая рогами стволы елей и откидывая их в сторону. Из его раздувшихся ноздрей вырывались обжигающее серебристое пламя и дым. Дети всхлипывали и сжимались, уклоняясь от падающих деревьев.

— Хватит хныкать! — раздраженно оборвала их Башах, внезапно став серьезной. — Зверь чувствует юные непорочные души. Не привлекайте его внимание.

И прежде, чем я успела убежать, она толкнула меня на путь каркаданна. Между мной и чудовищем осталась лишь тонкая полоска наледи от омывающего траву ручейка. Его тяжелые копыта ступали по воде с такой силой, что она повисала каплями, будто туман. Красными от ярости глазами он следил за моими осторожными движениями. Пригнувшись, я быстро обогнула его по кругу. Вздвигнувшись, он изогнулся так, чтобы видеть меня.

Используя отвлекающий маневр, я развязала кожаный шнурок и размотала веревку. Птицы у меня на плече тут же отреагировали, мгновенно бросившись на каркаданна.

Хотя Хадж и называл моих канюков жалкими и бесполезными, Башах хвалила их за преимущество, что давали им размер и скорость, — возможность вдвоем сбить противника с толку.

Шепотом я помолилась Божеству, создавшему людей, животных и джиннов, чтобы оно сохранило мне жизнь. Потом я приказала птицам:

— Вперед!

Один из канюков снова бросился на каркаданна, пронзая клювом мех. Каркаданн в бешенстве взревел и вскинул огромный рог, чтобы стряхнуть птицу. Так первый канюк отвлек чудовище.

Моя веревка была размотана, и вторая птица бросилась вперед и вцепилась когтями в мощную шею зверя. Так второй канюк нанес основной удар.

— Молодец, моя преемница. А теперь зачаруем его моим рассказом. — Небрежно отряхнув платье, Башах выпрямилась, надела маску и встала перед каркаданном. Так Главная Сказительница начала свою историю.

— О, мои соплеменники и джинн, я расскажу вам легенду, столь же древнюю, как сама глина. Мир раньше был иным.

Каркаданн замер.

— До Великого Потопа, до появления людей и даже до великого пророка Адама мир населяли ангелы и джинны. Единое Великое Божество — Бог, что создал все, — воплотило ангелов из чистейшего Небесного света; джиннов — из бездымной части пламени; а людей слепило из грязи и глины. Два вида существ — джинны из огня бездымного и люди из земли — обладали душой и свободой воли; ангелы же не имели ее и были нужны, лишь чтобы служить Божеству, создавшему Небеса.

Стоя рядом с Башах, я взяла самый мокрый кусок грязи и придала ему вид человечка, как она меня учила. В тени деревьев, что стояли против солнца, я двигалась в такт словам Башах. Низко склонившись, я обошла вокруг каркаданна, держа земляную куклу высоко на вытянутых руках. Моя тень плясала на земле, превращаясь в темные очертания злобного неуклюжего выдуманного джинна, который обезглавил и сожрал мою куклу.

От напряжения я скрипела зубами. Зачарованный мой тенью каркаданн взревел и замотал головой. Скользнув ступней назад, я приняла ту же позу, что и он. Его вопль тут же стих. Из-за удивления или замешательства — я не знала.

Башах одобрительно кивнула. На секунду ее взгляд задержался на моей тени. *Нечто* в ней двигалось без моего участия. Покачав головой, я продолжила оживлять сказание Башах, и мои движения становились танцем под ее слова.

— В те времена, когда ветры пустынь шептали секреты над самым морем, когда на земле жили лишь племена, благословленные огнем, здесь правили джинны. Существа из огня бездымного. Среди них были праведные, но большинство верили не в любовь, но в зло, враждовали меж собой и отравляли развратом Брата-Природу.

Я подошла ближе к каркаданну, заставив детей попятиться назад. Их крики стихли, когда чудовище наклонило голову.

Я вытянула руку к зверю, и мои соплеменники вскрикнули. Я протянула ему земляную куклу. Я увидела свое отражение в его умных красных глазах, и в нем я горела. Но на мне была надета маска воина и я тоже была воплощением чудовища. Так что я посмотрела на него в ответ. Я представила себе, как кричу:

— *Нападай на меня, зверь!*

Башах продолжила свой рассказ.

— С помощью своих сил джинны плели паутину иллюзий и обманов, меняли облик, чтобы одурачить даже себе подобных. В мгновение ока они преодолевали огромные расстояния, устремляясь к звездам; там они подслушивали секреты о делах Небес. Ангелам было приказано изгнать джиннов в отдаленные края и океаны, подальше от глаз смертных.

Хотя его тело было неподвижным, изо рта зверя вырывался ледяной белый дым, и холод от него заполз под